

ХРАНИТЕЛЬ ТРАССЫ: ДОГОВОР КРОВЬЮ И БЕНЗИНОМ

18+

Ирина Васильева

**Хранитель трассы: Договор
кровью и бензином.**

«Автор»

2026

Васильева И.

Хранитель трассы: Договор кровью и бензином. / И. Васильева — «Автор», 2026

Виктор Стужин по прозвищу «Викинг» — не супергерой. Он просто механик из провинциального города N, чьим единственным богом всегда была скорость и рев мотора его красного мотоцикла «Викинга». Заключив сделку с Архангелом Дорог, Виктор возвращается с того света. Но цена бессмертия высока: каждый километр пути теперь стоит ему года собственной жизни, а демоны Преисподней объявляют на него охоту, считая своей законной собственностью. «Полуночный Полк» остался без лидера, но со странным наследством — байком-призраком и правом нарушать законы физики. Чтобы выжить под прицелом как Ада, так и Рая, бывшим уличным хулиганам придется стать настоящей семьей, дисциплинированным подразделением и лучшими поисковиками пропавших людей в регионе. Это история не о спасении мира. Это рассказ о том, как найти свободу на разбитых дорогах России, если ты уже мертв для этого мира, и почему иногда самый страшный демон оказывается лучшим союзником, когда нужно защитить своих.

© Васильева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Пыль дорог.	5
Глава 1. Город N.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ирина Васильева

Хранитель трассы: Договор кровью и бензином.

Часть I. Пыль дорог.

Глава 1. Город N.

Город N просыпался нехотя, словно старый пес, которого вытолкали на мороз. Утренний туман здесь был не легкой дымкой, а плотной, серой ватой, пожирающей верхние этажи панельных девятиэтажек. Он лип к окнам, оседал каплями ржавчины на перилах подъездов и пах мокрым бетоном, остывшим углем из котельной и дешевой растворимой лапшой.

Виктор Стужин стоял на балконе четвертого этажа, опираясь локтями на ледяной бетонный парапет. Под ним расстился типичный пейзаж российской глубинки: квадратно-гнездовая застройка, разбитый вдрызг двор с единственной качелей без сиденья, чахлые тополя, похожие на обгоревшие спички. Внизу, у помойки, копошились вороны. Их карканье в утренней тишине звучало как скрежет металла по стеклу.

В свои семнадцать лет Виктор выглядел старше. Не потому, что жизнь его сильно была — хотя она только начинала заносить кулак, — а из-за какой-то внутренней плотности. Он был худым, даже костлявым, но плечи под вытертой джинсовой курткой казались широкими. Лицо у него было резким, будто вырубленным из камня неумелым скульптором: высокие скулы, острый подбородок и глаза цвета застиранной джинсы — бледно-голубые, почти прозрачные. Взгляд этих глаз пугал учителей и одноклассниц. Он никогда не бегал, не суетился. Даже стоя неподвижно на промерзшем балконе, он излучал спокойную, тяжелую угрозу.

— Витя! — голос матери донесся из кухни, приглушенный шипением сковороды. — Опоздаешь! Директор снова вызовет!

— Иду, ма, — отозвался Виктор. Голос у него был низкий, чуть надтреснутый, прокуренный еще не всерьез, а так, за компанию пару раз, но связки уже запомнили горечь.

Он последний раз посмотрел на город. Для всех остальных это была тюрьма. Серое гетто для тех, кто родился «не там». Место, откуда нужно бежать в областной центр, поступать на экономиста или юриста, цепляться зубами за любую офисную должность, чтобы однажды купить такую же панельку, но этажом выше.

Для Виктора Город N был просто верстовым столбом. Нулевой отметкой. Он знал каждую трещину в асфальте этого двора, каждый скрип проржавевших петель гаражных кооперативов на окраине, каждый поворот узкой трассы М-7, которая огибала город с севера, уходя жирной черной полосой куда-то за горизонт, туда, где Урал царапает брюхо облакам. Дорога звала его. Она гудела низким басом даже сквозь двойные стеклопакеты их квартиры. Это была вибрация свободы, обещание того, что мир не заканчивается за трубами местной ТЭЦ.

Школа номер двенадцать встретила его запахом хлорки и жареного лука. Храм науки районного масштаба. Краска на стенах первого этажа пошла пузырями от вечной сырости, линолеум в коридоре второго этажа вздыбился волнами, о которые спотыкалась добрая половина учеников.

Репутация бежала впереди Виктора. Он вошел в кабинет физики ровно со звонком.

— Стужин, — химичка Анна Марковна, совмещавшая физику с классным руководством, подняла на него тяжелые очки. — Тебя директор искал. После пятого урока ко мне в лаборантскую. Будем решать вопрос о твоём поведении.

Класс загудел. Вопрос о поведении Виктора решали еженедельно.

Его посадили за третью парту среднего ряда, у окна. Соседка, отличница Светочка Зайцева, инстинктивно отодвинула свой стул подальше, хотя между ними и так была пропасть в полметра. Светочка боялась Виктора. Боялась не потому, что он когда-то ее обидел — он вообще редко смотрел в сторону одноклассников, — а потому, что от него веяло пустотой. Когда учитель задавал классу вопрос, тридцать человек поднимали руки, ерзали, тянули шеи. Виктор сидел, сложив руки перед собой, и смотрел либо в окно, либо прямо перед собой. Но если вдруг его взгляд останавливался на ком-то, человеку казалось, что на него смотрит не подросток, а рентгеновский аппарат. Пустой, холодный, оценивающий.

Урок тянулся вязко. Анна Марковна пыталась рассказывать про законы термодинамики, но тепло плохо распространялось в этом классе. Дети мерзли, кутались в куртки, списывали друг у друга.

— Стужин, к доске, — наконец сдалась учительница. — Расскажи нам про энтропию. Только человеческим языком, будь добр. Без своих умничаний.

Виктор молча поднялся. Прошел к доске, взял мел. Движение было плавным, хищным. Он не сутулился, как остальные мальчишки, пытающиеся казаться меньше.

— Энтропия, — начал он, и его голос заполнил гулкую тишину кабинета, — это мера хаоса. Чем больше в системе порядка, тем меньше энергии. Чтобы поддерживать порядок, нужно тратить силы. Вечно. А система все равно стремится к распаду. К упрощению. Школа хочет сделать из нас одинаковые детали. Одинаково правильные. Это требует колоссальных затрат энергии системы. Поэтому любая аномалия... — он сделал паузу, медленно повернув голову и посмотрев прямо в глаза Анне Марковне, — ...будет выдавлена. Как гнойник. Потому что аномалия нарушает упорядоченность при меньших затратах. Ей не нужна ваша энергия, чтобы существовать.

Он положил мел на край доски. Тихий щелчок прозвучал как выстрел.

— То есть, ты хочешь сказать, что ты — гнойник? — язвительно спросила химичка, поправляя шаль на плечах.

— Я хочу сказать, что я — закрытая система, — спокойно ответил Виктор. — И мне плевать на вашу энтропию.

Он сел на место под мертвую тишину. Светочка Зайцева икнула от страха. Весь оставшийся урок она чувствовала затылком холод его взгляда, хотя Виктор снова смотрел в окно, на проезжающие мимо школьные окна фуры.

Перемены были временем выживания. Коридоры школы напоминали пищевую цепочку. Девятый «Б» терроризировал седьмые классы. Десятый «А», считавший себя элитой (дети местных коммерсантов), издевался над девятым «Б». Виктор существовал вне этой иерархии. Он был элементом чужеродным, как кусок арматуры в стакане с водой.

У мужского туалета на втором этаже его ждали трое. Леха Рыжий, местный альфа-самец, сын начальника ГИБДД, и два его подпевалы.

— О, философ идет, — осклабилась Рыжий, перекатывая во рту жвачку. — Слышал, ты ментам вчера дорогу не уступил? На велике своем?

Виктор остановился. Его синий рюкзак висел на одном плече. Он молчал, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Чего zenки вылупил? — шагнул вперед один из подпевал. — Тебе старшаки сказали: через задний двор ходить. Ты че, правила не понял?

Правила школьной стаи действительно гласили, что ученики без статуса должны обходить центральное крыльцо стороной. Виктор нарушил правило намеренно. Ему было скучно ходить в обход лишние сто метров.

— Понял, — ровным голосом сказал Виктор.

Он сделал резкое движение плечом, скидывая лямку рюкзака. Тяжелый баул, набитый учебниками, описал короткую дугу и с хрустом врезался в колено второму подпевале. Тот взвыл, сгибаясь пополам.

Не давая им опомниться, Виктор сократил дистанцию. Он не бил руками — драки в школе всегда заканчиваются свалом в партер и катанием по грязному линолеуму. Это неэффективно. Он ударил Рыжего головой в переносицу. Раздался влажный треск. Нос — самая хрупкая точка, анатомически уязвимая. Рыжий упал назад, заливаясь кровью, забыв, как дышать.

Третий противник попытался достать Виктора сзади. Виктор просто отступил в сторону, схватил парня за воротник олимпийки и с силой дернул вниз, навстречу своему поднимающемуся колену. Удар пришелся точно в челюсть.

Все заняло секунд пять.

Виктор поднял свой рюкзак. Посмотрел на корчащихся на полу парней. Достал из кармана платок, аккуратно стер с костяшек пальцев кровь Рыжего и пошел дальше по коридору. Он шел той же походкой, что и минуту назад — тяжелой, размеренной. Ни учащенного пульса, ни дрожи в руках.

Светочка Зайцева, выглянувшая из класса химии, увидела эту сцену. Она видела много школьных драк. Обычно там было много криков, соплей, хватания за волосы. Там была животная ярость. В движениях Виктора не было ярости. Была лишь хирургическая точность и абсолютное равнодушие. От этого становилось страшнее всего.

После уроков его вызвали к директору. Кабинет Павла Семеновича пах дешевым коньяком и освежителем воздуха «Хвоя». Директор, лысый мужчина с багровой шеей, долго протирает очки, глядя на личное дело Виктора поверх оправы.

— Стужин, — вздохнул он. — Третий привод за месяц. Рябинин из десятого сейчас в травмпункте. Нос ему собирали. Родители обещают заявление в полицию писать. Ты понимаешь, что тебе светит учет? Тебе восемнадцати нет. Мне характеристику в твой техникум писать. Или в армию тебя провожать? Так там таких дерзких быстро ломают.

Виктор стоял перед столом, глядя в стену чуть левее головы директора.

— Я защищался, Павел Семенович, — сказал он. — Они преградили путь.

— Пути ему перегородили! — вспыхнул директор, стукнув ладонью по столу. — Да ты сам ходишь как уголовник! Куртка эта кожаная, взгляды твои волчьи... Мать одна убивается. Отец бы ремнем...

Упоминание отца заставило Виктора едва заметно напрячь скулы.

— Мой отец погиб при исполнении, — отрезал он. — Вы прекрасно знаете, что он не успел бы меня выпороть. Я прошу перевести меня на индивидуальный план обучения. Я буду приходить только на экзамены. Я мешаю учебному процессу. И процесс мешает мне.

Директор осекся. Наглость формулировки сбила его с толку.

— Куда тебе индивидуалку, Стужин? У тебя тройка по литературе еле натянута! Из-за твоих философствований!

— По литературе мне неинтересен внутренний мир тургеневских девушек, — пожал плечами Виктор. — Мне интересен Тургенев как охотник. Как наблюдатель. А оценки мне не нужны. Мне нужен аттестат. Просто бумажка, чтобы от меня отстали.

Павел Семенович тяжело откинулся на спинку кресла. Он смотрел на этого высокого, нескладного парня и чувствовал иррациональный страх. Перед ним сидел не трудный подро-

сток. Перед ним сидел взрослый человек в детском теле. Человек, который уже решил, как проживет свою жизнь, и этот план категорически не совпадал с планами государства.

— Свободен, — глухо бросил директор. — Но если хоть один волос упадет с головы кого-то из учеников...

— Я никого не трогаю первым, — перебил его Виктор и вышел, тихо прикрыв дверь.

Дом встретил его тишиной. Мать еще не вернулась со смены в больнице. Виктор прошел на кухню, механически съел холодные макароны прямо со сковородки. Еда была топливом. Он не понимал кулинарных изысков.

Затем он ушел в свою комнату. Комната Виктора тоже пугала мать своей нежилой чистотой. Никаких плакатов рок-групп, никаких разбросанных вещей. Узкая кровать, заправленная армейским одеялом. Стол. Старый компьютер, используемый только для поиска электросхем.

Но центром комнаты был огромный чертежный планшет, прислоненный к стене. На нем был развернут подробный атлас автомобильных дорог России. Карта была исчеркана красным маркером. Жирные линии шли от Города N во все стороны: на юг — к степям, на восток — к тайге, на север — к болотам. Десятки маршрутов. Некоторые обрывались. Некоторые сходились в одну точку далеко за Уралом.

Виктор подошел к карте. Провел пальцем по красной нити федеральной трассы.

«Пыль дорог, — подумал он, вспоминая слова песни, которую случайно услышал на кассете у одного мужика в гараже. — И ветра свист».

Он ненавидел ветер в городе. Здесь он всегда нес мусор и запах заводов. Настоящий ветер — тот самый, из песни — должен быть сухим, горячим, пахнуть нагретым асфальтом и сгоревшим дизелем. Он должен толкать в грудь на скорости сто километров в час, пытаясь сорвать шлем.

Виктор открыл нижний ящик стола. Достал оттуда промасленную картонную коробку. Внутри, переложенные ветошью, лежали части двигателя. Черный, тяжелый оппозитник. Остов сердца будущего зверя.

Мотоцикл достался ему от двоюродного дядьки, сгинувшего где-то на северах пять лет назад. Старик привез раму и гору запчастей в прицепе, свалил в гараже и уехал в запой, из которого не вернулся. Мать хотела сдать всё в металлолом, но Виктор встал стеной.

Это был не современный красивый байк. Это был красный «Иж Планета-Спорт». Советский снаряд. Капризный, тяжелый, требующий рук механика, а не потребителя.

Виктор вынул блок цилиндров. Металл был холодным. Он провел пальцем по ребрам охлаждения. Где-то на заводе, сорок лет назад, рабочий вытачивал эту деталь. Возможно, он тоже мечтал о чем-то большем, глядя в окно цеха.

На бензобаке, который стоял тут же, прислоненный к ножке стола, ножом было грубо вырезано слово: «**ВИКИНГ**». Буквы неровные, глубокие. Дядька любил выпить и имел склонность к дешевому эпосу.

Виктор прижался щекой к холодной стали бака. Закрыв глаза.

Ему не нужна была свобода от родителей — мать дала ему всё, что могла, работая на износ. Ему не нужна была свобода от законов — он чтит закон дороги гораздо строже, чем административный кодекс. Ему нужна была скорость. Скорость как форма молитвы. Когда двигатель работает на пределе, когда две шестерни входят в зацепление идеально, наступает момент абсолютной гармонии. Хаос внутреннего сгорания превращается в упорядоченное вращение колеса. Энтропия побеждается чистой мощностью.

В коридоре щелкнул замок. Вернулась мать.

Виктор быстро закрыл коробку крышкой, задвинул её под стол и пошел встречать ее.

— Витенька, ты дома? Проголодался? Я суп сварила... — она начала разуваться, устало привалившись к косяку. Седина в ее темных волосах сегодня казалась особенно яркой.

— Привет, ма. Суп потом. Иди отдыхай.

Он помог ей снять пальто. От ткани пахло больницей — лекарствами и чужими страданиями. Виктор почувствовал привычный укол вины. Он — здоровый лоб, сидит в тепле, ковыряется в железках, пока она таскает судна.

— Опять неприятности? — тихо спросила она, проходя на кухню. Ее чуткое материнское сердце ловило малейшие изменения в его настроении. Сегодня от сына веяло могильным холодом.

— Всё нормально, — солгал он, ставя чайник. — Директор грозился. Обещал оставить в покое, если не буду лезть.

Она посмотрела на него долгим взглядом. В ее глазах стояла такая тоска, что Виктору захотелось соврать что-нибудь веселое, пошутить. Но он не умел шутить. Механизмы юмора в его голове отсутствовали за ненадобностью.

— Витя... — начала она осторожно. — Может, правда, в армию? Говорят, там из мальчиков мужчин делают. А то бродишь тенью. Женился бы вон на Алиночке, дочке Павла Семеновича... девочка хорошая, городская, образованная...

Виктор замер с чайником в руке. Вода внутри начала тихонько шуметь.

Имя Алины резануло слух. Дочка директора. Круглолицая, румяная, правильная. Она смотрела на него на переменах с любопытством исследователя, нашедшего редкий вид насекомого. Ей хотелось «спасти бедного мальчика», перевоспитать его, нарядить в хороший костюм и водить в театр. Сделать из Химеры комнатную собачку.

— Нет, — коротко ответил он, ставя чайник на огонь слишком резко. Пламя газа недовольно зашипело.

— Почему? — прошептала мать. — Чего тебе не хватает? Крыша над головой есть, еда есть...

— Ветра, — ответил Виктор, не оборачиваясь. — Мне не хватает ветра, мама. Настоящего.

Он вышел из кухни, плотно закрыв за собой дверь маленькой комнаты. Сел за стол. Открыл тетрадь по алгебре.

Интегралы и логарифмы казались смешными каракулями дикарей перед лицом великой математики трасс. Там счет шел на другие величины: время реакции, коэффициент сцепления резины с мокрым асфальтом, угол наклона в повороте, тормозной путь.

Виктор взял карандаш. На полях тетради, рядом с графиком функции, он начал машинально рисовать. Твердая рука вывела вытянутый силуэт. Низкий, приплюснутый. Широкий руль. Две трубы глушителя по бокам. Красное пятно бака.

Он рисовал «Викинга».

За окном совсем рассвело. Туман отступил, обнажив серый, унылый Город N. Люди внизу спешили на заводы, в конторы, в магазины. Они были частью огромной, хорошо смазанной машины потребления.

Виктор Стужин не хотел крутиться в ее шестернях. Он хотел стать тем песком, который попадет в этот механизм и разорвет его изнутри. Или огнем, который сожжет старую смазку.

Он отложил карандаш. Посмотрел на карту на стене. Красные линии пульсировали в полумраке комнаты, словно артерии огромного зверя.

Завтра он пойдет в гаражи. Петрович обещал найти хорошую японскую поршневую группу взамен изношенной советской.

Виктор улыбнулся краешком губ. Впервые за день его бледно-голубые глаза потеряли стальной блеск. В них мелькнул теплый желтый огонек предвкушения. Запах машинного масла и бензина был для него слаще любых духов. Рев мотора — лучшей музыкой, чем любые концерты.

Он был странным. Молчаливым. Угрожающим.

Но те, кто видел его лицо, когда пальцы сжимают прорезиненную рукоять газа, знали правду.

Виктор Стужин не был человеком.

Он был стрелкой компаса, навсегда указывающей строго на горизонт. И Городу N оставалось только ждать того дня, когда эта стрелка дрогнет и покинет его пределы, оставив после себя лишь сизый выхлоп да воспоминание о том, как странно и страшно бывает жить на полной скорости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.